

Дэнн Янсон

КНИГИ О ВОЙНЕ
ЗАПИСКИ

ПОЛКОВНИКА КРЫЖАНОВСКОГО

Книги о войне

Денн Янсон

**Записки полковника
Крыжановского**

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2020

Янсон Д.

Записки полковника Крыжановского / Д. Янсон —
«Продюсерский центр ротации и продвижения», 2020 — (Книги о войне)

ISBN 978-5-907254-52-7

Две повести, представленные в этой книге, открывают цикл фантастических произведений Дэна Янсона о приключениях полковника Александра Крыжановского — профессионального разведчика и врача — во время Великой Отечественной войны на территории нацистской Германии и оккупированной Европы. Полковник Крыжановский попадает в 12-й отдел ТОЯ (трудно объяснимых явлений), созданный при НКВД СССР. Этот отдел занимался изучением и применением различных необъяснимых технических и мистических феноменов (нацистские НЛО, полёт нацистов в космос, призвание нацистами тени магистра тевтонского ордена Андреаса фон Белвена, создание Голема, климатического оружия, шагающих танков, разведовательная экспедиция в «Новую Швабию» - в Антарктиде и т. д.), а с 1940 по 1945 годы оказывал активное противодействие нацистской оккультной организации «Аненербе».

ISBN 978-5-907254-52-7

© Янсон Д., 2020
© Продюсерский центр ротации и продвижения, 2020

Содержание

Час зверя	5
Глава 1. Младший лейтенант Говоров	5
Глава 2. Магадан. Ночная прогулка	7
Глава 3. Комендант Петренко	9
Глава 4. Особняк князя Вереева	11
Глава 5. Praemonitus praemunitus ¹⁷	14
Глава 6. Открытие доктора Васильева	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дэнн Янсон

Записки полковника Крыжановского

Час зверя

Зверь, которого ты видел, был, и нет его... и выйдет из бездны, и пойдёт на погибель, и удивятся те из живущих на земле, чьи имена не вписаны в «книгу жизни», видя, что зверь был – и нет его...

Ин. 17:8

Глава 1. Младший лейтенант Говоров

Капли гулко били в белую эмаль таза. Пахло карболкой. Доктор Васильев, как обычно, долго намыливал руки. Морщась и тряся жидкой бородой, тёр ладони. Со вкусом плескал тёплую воду в лицо. Сухие руки комкали серое сукно полотенца.

– Та-а-ак-с... – позолоченное старорежимное пенсне наконец-то торжественно заняло своё место на мясистом носу. – Александр, зовите-с! – захватанные стёкла упёрлись в меня. – Следующий!

Из нетопленной прихожей дохнуло холодом. По-военному чётко взвыли половицы. Молодой, безусый лейтенант, застенчиво озираясь, вступил в круг света. Смёрзшиеся пальцы взметнулись к виску.

– Младший лейтенант Говоров по распоряжению полковника Петренко в медчасть прибыл!

Я подхватил кожанку, лишь накинутую на плечи «младшего». Он вздрогнул. Заиндевшая, с синим верхом, фуражка, глухо стукнув, покатила по доскам пола.

– Ти-и-ише... Ти-и-ише... – зашипел Васильев. – Су-у-ударь, как же возможно в фуражке? Во-о-осемнадцать градусов! Да-с.

Поднимая фуражку, Говоров покачнулся. Левое предплечье было замотано цветастой и набухшей от крови тряпкой. Скрипнув ремнями, опустился на предложенный стул.

– К де-е-елу... К де-е-елу ко-о-оллега, – я уже заметил, что, волнуясь, доктор Васильев начинал заикаться и тянуть слова на первом слоге. Тёмно-синее форменное галифе пациента украшали коричневые под-сохшие пятна. Отмачивая повязку, я невольно поднял взгляд. Серостальные цепкие глаза изучали меня в упор:

*Чёрный ветер гудит над мостами,
Чёрной гарью покрыта земля.
Незнакомые смотрят волками,
И один из них, может быть, я.
Моя жизнь дребезжит, как дрезина,
А могла бы лететь мотыльком.
Моя смерть ездит в чёрной машине
С голубым огоньком... ¹*

¹ Стихи Бориса Гребенщикова.

Всплыла недавняя картинка. Москва. Наркомат внутренних дел. Затемнённый кабинет, отделанный светлой панелью из орехового дерева. Тяжёлые багровые портьеры на окнах. Лампа с зелёным абажуром. Комкающее всё тело дрожью напряжение. И такие же внимательно-оценивающие глаза уже лысеющего человека, сидящего за массивным столом. Зловещий блеск пенсне.

– Вы понимаете, товарищ, всё доверие, оказанное вам партией? Чэкисты своих не бросают!

– Так точно, Лаврентий Павлович. Я понимаю. У девочки симптомы туберкулёза, – слабо трепыхался я.

– Табэркулёз, педэкулёз – какая разница?! Петренко, Елена должна быть здорова! Вы понимаете это? Вы же боевой врач! – гремело из полумрака.

– Так точно. Я понимаю, Лаврентий Павлович, – медленно умирал я. Казалось, что сил вдохнуть-выдохнуть снова уже нет...

– Товарищ Крыжановский, вы – лучший. Партия верит вам. Поезжайте и требуйте от администрации объекта любого содействия, – неожиданно глас смягчился. – И как там дела в Испании, товарищ?

– *Insinuatus musculus, damnum venam*². Взгляните, коллега, – доктор Васильев ловко орудовал тампоном. – Что вы скажете?

Я стянул наваждение. Между лучевой и радиальной костью предплечья, среди разможено-отёчной ткани, красовались две глубоких раны. Ощущение было такое, что лейтенанта два раза ударили по руке круглым напильником или керном.

– Овчарка? – видимо, у меня был столь глупый вид, что Говоров оскалился.

– Батенька, полноте... Не узнаю выпускника профессора Красинского! – Васильев смешно поморщился под маской. – Лигатуру³!

Под скрип зубов лейтенанта я склонился над раной: по отёчной коже предплечья отпечатались широкая симметричная дуга. В два параллельных «следа от напильника» можно было бы ввести мой большой палец!

– Зубы... Клыки. И коренные зубы! – я почувствовал, как начинают дрожать руки.

– Да-с... – Васильев сверкнул на меня линзами пенсне. – Уберите зажим, коллега. Защищайте.

Говоров постанывал. Обливаясь холодным потом, я накладывал швы.

– *Primatus hic? Dimensiones...*⁴

– Тсс, Александр Андреевич... – Васильев отстегнул маску. Изъеденный сулемой палец гулко звякнул в жестяной абажур лампы. – *Postea collegam...*⁵

² Проникающее ранение в мышечную ткань, повреждена крупная вена (лат.).

³ Лигатура – нить (обычно шёлковая или капроновая), используемая в хирургии при перевязке кровеносных сосудов для предупреждения или остановки кровотечения.

⁴ Примат (обезьяна) здесь?... Таких размеров... (лат.)

⁵ Позже, коллега... (лат.)

Глава 2. Магадан. Ночная прогулка

Над Приколымьем бушевала вьюга. Ледяной сырой ветер с Тауйской губы рвал чахлые сосенки, ютящиеся на вечной мерзлоте. Швырял плотные острые хлопья снега в лицо редких прохожих. Где-то впереди, за каменистыми сопками, открывалось обширное пространство бухты Гертнера. Быстро темнело. Я свернул с Пролетарского проспекта на грязную тёмную улицу 1 Мая, идущую вдоль залива. Здесь электричеством освещались только входы в редкие подворотни. Ноги скользили и упирались в комья мёрзлой грязи. Запинаясь и чертыхаясь, я медленно соображал, куда, вылезая из купе, я сунул старенький, отцовский револьвер системы Нагана⁶. Ветер усиливался, сбивал дыхание. По левую руку остались, освещённые тусклым фонарём, бараки артели рыбпромхоза. Теперь обледеневшая тропинка вела в глубь полуострова. В сторону от плохо освещённых улиц города. Во тьму. Вновь безуспешно поискав револьвер по карманам, я поднял воротник старого полувоенного пальто и шагнул во мрак. Тьма... Тьма библейская-первозданная вокруг. И звёзды... И ветер ... И мысли...

После вызова в Наркомат внутренних дел я собрался быстро. Получил у интенданта новенькое обмундирование и сапоги, а в финотделе – упругую, хрустящую стопку командировочных. Личных вещей было совсем немного: саквояж с мединструментами, пара книг-справочников, три пары белья да старый револьвер в жёлтом сафьяновом чехле. Два года выживания среди «камрадов» 12-й Иберийской интербригады сделали своё дело. Меня мало беспокоило количество и качество еды, питья, жилища, быта. В праздничной, благоустроенной Москве меня больше ничто не держало. Не буду утомлять читателя описанием двухнедельного путешествия в вагоне первого класса. Аромат изысканно-чистого постельного белья. Цоканье блестяще-стальных подстаканников с рельефным изображением рабочего и крестьянки в их извечном союзе... Уважительные взгляды, бросаемые седым проводником на капитанский кубик под серебристой змейкой на моей гимнастёрке. Прносящиеся за окном бесконечные сосны Сибири. Потом четверо суток бессонной тряски в хлипком кузове полуторки.

В город я прибыл ещё до рассвета. Молодой серьёзный лейтенант НКВД на КПП, шурясь в свете прожектора, долго и внимательно изучал командировочный лист. И наконец сверкнул белоснежной улыбкой.

– Добро пожаловать, товарищ капитан! – он шагнул навстречу.

– Приписка – «объект-178».

– Сейчас вам в городскую медсанчасть. Вверх по Речной и направо. Полярная, 18, доктор Васильев. К коменданту, полковнику Петренко – завтра в 8:00... Вот пропуск, – и лейтенант вновь ослепительно, но как-то устало улыбнулся. – Удачи, товарищ капитан!

Старший врач медсанчасти Константин Павлович Васильев сразу принял меня как родного. Либо его впечатлил мой медицинский опыт, либо мои капитанские лычки. Но его долговязая, тощая фигура выражала восторг. Пенсне съезжало на кончик носа. А бешеная жестикующая мешала нам работать.

– Ко-о-оллега! Ра-а-асскажите всё! Я хо-о-очу знать всё! О Мо-о-оскве, о Ле-е-енинграде, об И-и-испаниии! Осо-о-обенно об И-и-испаниии...

Суэта закончилась тем, что Константин Павлович зацепил тощей ногой ведро с водой, принесённое уборщицей Глашей для помывки полов. На этом «праздничная встреча» завершилась.

⁶ Револьвер системы Нагана – 6- или 7-зарядный револьвер, выпускаемый в Бельгии в 19–20 веках. С 1895 по 1917 гг. состоял на вооружении армии Российской империи, а с 1917 по 1945 гг. – на вооружении Советской армии. С 1899 г. револьвер системы Нагана выпускал Российский оружейный завод в Туле. Прицельная дальность стрельбы – 25 м.

Вечером, после лейтенанта Говорова, доктор Васильев посуровел окончательно. Сухие пальцы ловко тушили окурки в стакане с недопитым крепким чаем. Он обдавал меня струями «Беломора». И желчно цедил:

– Александр! Это ГУЛАГ... Разве можно задавать такие вопросы офицеру НКВД?! Мы все тут под богом ходим и под товарищем Сталиным! И под подпиской о неразглашении...

– Константин Павлович, откуда всё-таки приматы здесь, на вечной мерзлоте?! —упорствовал я. – Ведь это же был укус крупного примата! Гориллы?

Васильев морщился, худые пальцы сделали жест, словно отгоняя надоедливую муху.

– Батенька, вам когда к коменданту? Вот там вам всё и расскажут.

Я сделал вид, что внимательно изучаю висевший напротив плакат «Коммунист, поправил здоровье? Поправь производительность труда!».

– Александр Андреевич, вы уже где-то остановились? – голос доктора внезапно смягчился. – Да-с... Я снимаю комнату в бывшем особняке князя Вереева. Ему при старом режиме принадлежало несколько золотых приисков тут, на полуострове.

– Пока нигде, – я вновь прочитал бодрый лозунг на стене. И, воодушевлённый им, начал искать в саквояже фляжку с испанским спиртом *Alvisa de Caudilio* – подарком «камрадов».

– В городе в основном бараки, коллега. А у вас будет своя комната в старинном особняке. Семь комнат и, кроме вашего покорного слуги, ещё экономка Груня из старорежимных. Да-с, и огромная библиотека князя, – глаза Васильева обольстительно засверкали.

– Хорошо, – я кивнул, разливая спирт. – Поправим здоровье?

– Да-с, поправим, – он одобрительно потёр сухие длинные ладони и добавил: – Я на спецзону. Заеду за вами через пару часов. Александр, вот диван. Отдыхайте.

Невообразимо жуткий вой разрывал пространство, вновь и вновь заполняя тьму вокруг. Что-то непонятное, животное-яростное и одновременно по-человечески тоскливое сливалось в нём в один комок. Стыла кровь... Обливаясь ледяным потом, я пытался нащупать кобурку на боку. Кобуры не было... Сапоги беспомощно скользили по грязному насту. И непроницаемая тьма вокруг. Библейская тьма. В лицо ударила горячая волна. Начиналась паника, как во время первой битвы за Мадрид, когда «Юнкеры» воем своих сирен вжимали нас в землю Андалусии. Я с силой укусил себя за указательный палец. Ломая наст, рухнул на колени. Рука сама нашла в саквояже лезвие скальпеля. Ледяная сталь в руке привела в чувство. Тяжело дыша, я вглядывался во мрак, готовый к бою. Вой накрыл меня снова, но уже с другой стороны – справа.

Внезапно свет фар залил ледяную поверхность. Из-за сопки вылетел армейский ГАЗ. Автомобиль стремительно приближался. «ГАЗ-61, – автоматически отметил я, – с брезентовым верхом». Взыли тормоза. Машину развернуло на месте. Доктор Васильев настороженно сверлил меня взглядом.

– Александр, бы-ы-ыстрее, са-а-адитесь! Вы це-е-елы? Куда вы по-о-опёрлись, су-ударь?! Это опа-а-асно!

Я поднялся, сделал шаг на ватных ногах. Упал, чувствуя щекой ледяную кожу сиденья.

– Это были волки? – рывок кузова едва не выбросил меня наружу.

– Во-о-олки... Во-о-олки, су-ударь. Да-с... – доктор шурился на меня из-под мохнатого капюшона. – Александр, у ва-а-ас есть с собой ору-у-ужие?

Я откинулся на сиденье.

– Да. Наградной наган, отцовский.

Авто кидало на обледенелой колее. Ревел двигатель. В стекло бил крупный снег. Надсадно гудело в брезенте. Впереди, в снежной буре, разгорались огоньки княжеского особняка.

Глава 3. Комендант Петренко

Пристальные взгляды часовых. Тяжёлый, затхло-влажный аромат плесени. Зелёные облезлые стены комендатуры. Коридор. Тёмная железная дверь. По-военному чётко рука взметнулась к козырьку.

– Капитан медицинской службы Крыжановский Александр Андреевич по указанию ЦК партии прибыл!

– Сідайте, товариш Крижановський⁷, – здоровенный белообрый детина с лычками полковника НКВД выполз из-за обширного, массивного стола. – Ласкаво просим!⁸

Я осторожно пожал огромно-медвежью лапу, всю поросшую густым светлым волосом.

– Курите? – белёсо-оловянные бессмысленные глаза в упор изучали меня. На матовой поверхности стола рядом с массивным пресс-папье располагалась аккуратная стопка папок, чистый графин с водой и открытая пачка папирос «Казбек».

– Товарищ полковник, я не курю... – я не торопясь опустился на предложенный стул.

Полковник Петренко напряжённо мерил комнату крупными шагами. Скрипели ремни портупей. Огромный воронёный маузер в деревянной кобуре бил в галифе. Из приоткрытой двери секретариата неслись бодрые звуки патефона. Сочный баритон выводил:

Чтоб давали домны больше стали,
Чтоб родился сочный виноград,
Чтоб спокойно наши дети спали,
Эти люди никогда не спят.
Эти люди скромны, не речисты,
Мы не все их знаем имена,
Но недаром лучшие чекисты
Боевые носят ордена!

Полковник НКВД Тарас Григорьевич Петренко не был злым от природы. Он любил порядок. Порядок во всём: от начищенных сапог часового на вышке до ровных стопочек документов в сейфе и вычищенной до блеска пряжки на ремне. Но это был не тот порядок, который внушает простым людям надежду и уважение перед властями. А палочный, формально-показушный, унтер-офицерский «порядок» прусского образца, который так нравится начальству, отмечается им и так угнетает подчинённых.

Чтобы наши песни не смолкали,
Чтоб не знать нам горестных утрат,
Чтоб спокойно наши дети спали,
Эти люди никогда не спят...
Наши дни безоблачны и чисты,
Не дадим их омрачить врагу.
И, как наши зоркие чекисты,
Будем все всегда мы начеку!

Я вспомнил, как утром доктор Васильев любезно вызвался подбросить меня до «объекта-178».

⁷ Садитесь, товарищ Крыжановский! (укр.)

⁸ Добро пожаловать! (укр.)

– Осторожнее, батенька. Осторожнее... – скрипел он всю дорогу.

От вчерашнего ночного ужаса не осталось и следа. Солнечное сияние заливало ледяную искрящуюся долину. Холодный воздух нёсся навстречу. Машина упруго прыгала по колее. Бодро ревел мотор. Объект оказался совсем недалеко от занятого нами княжеского особняка – километрах в двух, в широкой долине, между двух гористых сопок. Автомобиль, лихо вертанувшись, застыл у самого КПП. Залаяла овчарка. «Каменное кольцо Люцифера», – невольно подумал я .

– Константин Павлович, это спецлаборатория? Обогащение каких-то редких руд?

Доктор Васильев лишь покачал головой. Вспыхнула позолота пенсне.

– О-о-осторожнее, Александр... О-о-осторожнее... Тсс.

Происходившее дальше становилось всё загадочнее. Намётанный в Испании глаз хватал детали. КПП, охраняемый тремя автоматчиками. Далее три периметра ограждений: земляные, облитые ледяной коркой, валы. На них – проволочные заграждения. Вышки с пулемётами и прожекторами. А в пространствах между валами – немецкие овчарки на свободном выгуле. Самым интересным было то, что внутри «кольца» объекта я не заметил никаких барачков, никаких признаков обитателей-зеков. Только пару приземистых серых зданий, больше похожих на шахтные надстройки. «Значит, всё-таки редкие руды», – отметил я для себя.

– Товариш Крижановський, ві тут?⁹ – меня в упор сверлили мутно-оловянные глаза коменданта. – Ось так... Сброя є?¹⁰

– Так точно. Есть, – я протянул полковнику командировочный «московский» лист.

– Леночка... Леночка... – кажется, в рыбьих глазах впервые появилось что-то человеческое. – Сьогодні і подивіться, їдьте... Поїдьте відразу: проспект Леніна, 55. Це в центрі¹¹.

⁹ Товариш Крыжановский, вы тут? (укр.)

¹⁰ Вот так... Оружие есть [у вас]? (укр.)

¹¹ Сегодня и посмотрите [пациента], езжайте... Езжайте сразу: проспект Ленина, 55. Это в центре... (укр.)

Глава 4. Особняк князя Верева

Особняк и вправду оказался «княжеским». Древние, скрипящие полы под чистыми половицами. Чёрно-резные балясины на старинных лестницах. Массивная, дубовая мебель. Кое-где сохранились даже реликты былой роскоши: персидские ковры, хрусталь и уральские малахитовые вазы с самоцветами. И повсюду – книги, книги, книги... Недочитанные. Перечитанные. Просто брошенные. Запах чего-то древнего, хорошо забытого и основательно утраченного. Аромат ушедшего, умершего века... Не менее обширной библиотеки порадовала настоящая «старорежимная» медная ванна с позолоченными кранами. Купец 1-й гильдии, а позже «настоящий, вот те крест» князь Вере-ев жил когда-то на широкую ногу. Благо в окрестностях тогда впервые нашли золото...

Древняя, как и всё в этом особняке, экономка внесла поднос и огромный медный чайник. Не гранёные стаканы, а настоящие, чайные чашки из китайского фарфора. Армейские галеты. И настоящий ароматный индийский чай. Весело трещало пламя. Я, вытянув ноги к камину, наслаждался редким комфортом. Доктор Васильев, разложив тщедушное тело в громоздком, из чёрного дерева, кресле, что-то напряжённо писал. Тонкие пальцы быстро перелистывали блокнот. Я почесал себя за ухом, изображая сытого кота, и вновь потянулся к чайнику.

– Константин Павлович, а я ведь обратил внимание, что на объекте не было заключённых. И не было даже признака их...

– Да-с, Саша... – Васильев рассеянно кивнул. – Их там и нет, там лаборатория... И виварий.

– Виварий? – я сделал вид, что не понял. – То есть руду там не добывают?

– Добывают, никель... – он продолжал увлечённо писать. – И ведётся научная работа.

Отхлебнув изрядно чая и «муркнув» от удовольствия, я не унимался:

– А для чего же тогда такая охрана? Константин Павлович, вы же работаете на этом объекте?

– Работаю, – доктор закрыл блокнот и внимательно, поверх пенсне, посмотрел мне прямо в глаза. – Александр, это спецобъект. И я давал подписку о неразглашении.

Он медленно раскрыл толстенный фолиант с тиснённой золотой надписью на титуле.

– Лучше, коллега, расскажите мне о вашей пациентке. Э-э-э... Петренко Лене? – закончил Васильев.

– А что пациентка? Ни по симптоматике, ни по пробам чахотки нет. Я думаю, у неё что-то нервное. Ребёнок на няне, сутками не видит родителей, особенно отца.

– Да-с... Коменданту Петренко и правда не до семьи сейчас, – Васильев поправил пенсне и вновь углубился в чтение.

– Константин Павлович, вы знаете, что первое спросил у меня ребёнок? «А скоро ли папа придёт домой?»

Галета рассыпалась в моих пальцах. Я подвинул керосинку, заставив буквы на фолианте буквально вспыхнуть золотом. «И. И. Иванов. Эволюция и гибридизация гоминидов», – медленно прочитал я.

Загадочный «объект-178», его необычайная охрана, а также уклончивые ответы Васильева всё больше и больше подогревали мой интерес. На следующий день, едва навестив Леночку, я пошёл домой пешком. Искрясь на снежных полях, светило солнце. Проплывала уже знакомая улица 1 Мая, покосившиеся бараки, окаймлённая кумачом доска почёта и трудовых достижений. Навстречу попадались рыбаки и промысловики-старатели в ушанках и рваных ватниках. При дневном свете окраины Магадана выглядели совсем не так зловеще, как той ночью... Пройдя около километра по «таёжной дороге», свернул в сторону Люциферова кольца – так я уже мысленно окрестил «объект-178». Теперь путь лежал по обледенелой колее,

пробитой грузовиками. Сапоги сильно скользили. «Нужно будет купить кошки, – отрешённо думал я. – Что же это за объект такой? Охрана. Виварий. Добыча никеля. Секретность... “Эволюция гоминидов”... Гоминиды?¹²»

Я уже приблизился к устью Каменного кольца, образованного двумя гористыми сопками.

– Сто-о-о-ять! Руки за голову! – голос был серьёзный и напряжённый. Такому голосу можно и нужно верить, это я усвоил ещё в Испании. – Назовите себя! – клацнул затвор.

Мелькнули еловые лапы. Сугроб в пяти шагах от меня ожил, выпустив из себя человека в белом маскхалате и маске. Белоснежную плащ-палатку топорщило тупое рыльце оружия. «ППД»¹³, – автоматически отметил я. Человек махнул рукой. И я понял: есть ещё один. Стрелок. И я – на прицеле.

– Крыжановский Александр Андреевич. Приписка – «объект-178». Капитан медицинской службы, – вариантов не было. И я медленно и осторожно потянул из кармана удостоверение...

Вновь пристальные взгляды часовых. Тяжёлый аромат плесени. Зелёные облезлые стены коридора. Тёмно-серая дверь. Только теперь ситуацию мило «оживляли» бесцеремонные тычки оружия в мою спину...

– Какого чёрта?! Какого чёрта ты поперся во внешний периметр? А если бы тебя пристрелили? Капитан Крыжановский, твою мать! – побагровев, орал полковник Петренко на вполне понятном человеческом языке.

– Я заблудился, – робко заметил я.

– Заблудился?! – захлёбывался криком комендант. – Твою мать! Ты куда вообще приехал? Ты знаешь, куда ты приехал? На курорт?!

Болела поясница. Я тупо разглядывал плакат на стене комендантского кабинета: «ГУЛАГ – наш родной дом, выполним пятилетку досрочно в три года!» На стене напротив – лозунг «Боец НКВД, береги своё оружие на работе и в семье! Даёшь превышение плана на 150 %!» «Господи, какой идиотизм! – я устало закрыл глаза. – Почему я не увидел это в прошлый раз?»

– На курорт ты приехал?! Да ты знаешь, что я с тобой сделаю?! – бушевал Петренко на чистом русском. Мне было уже всё равно, что он со мной сделает... В голове крутилось только одно слово – «гоминид». «Господи, мы все уже тут превращаемся в гоминидов...»

– Для чего ты сюда приехал?! Этим и занимайся! Этим и... – комендант внезапно остыл. И продолжил, сразу перейдя на непонятный язык: – Леночка... Леночка... Доктор, як там вона?¹⁴

– Товарищ комендант, разрешите доложить: чахотка не подтвердилась. На солнышке ей нужно больше быть. Витаминов не хватает. Скучает она... – я с надеждой поднял глаза.

– Це добре! Це дуже добре. Сонечко буде...¹⁵ – Петренко кивнул конвойному за моей спиной.

Щёлкнули наручники. Затем комендант достал из сейфа бутылку и со знанием дела наполнил два гранёных стакана.

– Гарзд, ще одне порушення, товариш Крижановський, і я буду змушений вжити заходів. Як там Леночка?¹⁶

¹² Гоминиды – в узком смысле человек и его вымершие человекообразные предки (кроманьонцы, неандертальцы, питекантропы, синантропы, австралопитеки и др.); в широком смысле – семейство наиболее прогрессивных приматов (гориллы, шимпанзе, гиббоны, орангутанги).

¹³ ППД – пистолет-пулемёт Дегтярёва. Оружие, приспособленное для ведения огня очередями и одиночными выстрелами пистолетным патроном (как у ТТ) на прицельной дистанции – до 400 м. ППД 1934–1938 гг. по внешнему виду практически не отличался от знаменитого ППШ Великой Отечественной войны.

¹⁴ Леночка... Леночка... Доктор, как там она? (укр.)

¹⁵ Это хорошо! Это очень хорошо... Солнышко будет... (укр.)

¹⁶ Ладно, ещё одно нарушение, товарищ Крыжановский, и я буду вынужден принять меры... Как там Леночка? (укр.)

– Так точно... – я мучительно разминал затёкшие запястья. – Скучает она, товарищ полковник. Скучает...

Глава 5. Praemonitus praemunitus¹⁷

Уже более двух недель я жил и работал в Магадане. Загадка «объекта-178» так и не давала мне покоя. Тревожила. Завораживала. Манила своей необъяснимой, неразгаданной тайной. Это преследовало днём, заставляло просыпаться и вскакивать по ночам. Что-то сжималось в моей душе от предчувствия чего-то запредельного и ужасного...

– Бром... Бром вам, батенька, нужно прописать, – иронизировал за утренним кофею доктор Васильев.

Сухие руки поглаживали седую острую бородку. Я заметил, наблюдая за кольцом Люцифера в мощный, армейский бинокль, что из спецзоны никогда не выводят и не вывозят заключённых. Кажется, их там просто не было. Несколько раз оптика ловила металлические грузовики-фургоны, въезжающие или выезжающие с объекта. Такая колонна всегда хорошо охранялась: перед фургонами и после них шли грузовики с автоматчиками НКВД. Впереди – колонны, часто бронеавтомобиль на мягком колёсном ходу. А ещё раньше, на некотором расстоянии, следовали разведчики на мотоциклах с пулемётами. По ледяной накатанной колее колонна обычно двигалась медленно. И, вероятно, пространство по сторонам её следования тоже зачищалось пешими группами автоматчиков и снайперов.

В дни, свободные от медицинской практики, я бесцельно бродил по окрестностям. Залезил на каменистые сопки. Изучал в бинокль сухогрузы, медленно следовавшие к портам через обширное пространство бухты Нагаева. В тот день, накануне Нового года, погода задалась скажочная. Студёная поверхность Охотского моря сверкала, как стекло. Температура упала ниже тридцати градусов. Ослепительно холодное солнце, пылающее среди перистых облаков, озаряло галечный пляж. Мороз и ясность... И ледяной прозрачный воздух – до самого горизонта. Среди прибрежных валунов я набрёл на маленькую церквушку. Небольшое здание из резных почерневших брёвен ютилось на обледеневших речных наносах. Скользя по доскам «трогуара», я добрался до крыльца, украшенного древней резьбой. Тёмное нетопленое пространство лишь кое-где озарялось трепетным светом лампад, дрожащих под образами. Испанской зажигалкой «Алведо» я зажёл свечку перед огромной тёмно-золотистой иконой. В алтаре кто-то шумно возился. Тёплый свет свечи, кажется, проникал внутрь. Грел и успокаивал душу...

– Кх-кх...

Вздвогнув, я очнулся. Рядом стоял сгорбленный седой старик, весь в чёрном. Огромный медный крест тускло пылал в полумраке.

– Хорошо сердцу твоему тут? – глубоко запавшие глаза ласково светились. – Оно и должно быть так, образ святого праведного Александра пред тобой...

– Да, отче, – я не узнал своего голоса, – да...

– Зверь... Зверь антихриста вышел из бездны и топчет землю божью... – неожиданно начал старец. Сухая холодная ладонь легла на моё плечо. – Неуязвим он в гордыне своей... И преклонятся племена земные пред ним... Не воин ты... Но в битвах был. Придёт время – простри длань свою. И крепче возьми копьё в руку свою. Как он... – голос нарастал, скрюченный палец указывал на древний образ. – И падёт зверь... И поглотит его бездна, породившая его...

– Так точно, – ошеломлённо отвечал я, – так точно...

– Благословляю тебя. Иди... И помни о свете, горящем в сердце твоём, – седой призрак осенил меня крестом.

Ошарашенный, я вывалился из тёмного помещения. Сияющее ледяное пространство охватывало и ослепляло меня. Затопило мир вокруг. Скользя по насту, я ловил ртом ледяной воздух. В голове было пусто. Пусто и гулко...

¹⁷ Кто предупреждён, тот вооружён (лат.).

Не помню уже, как добрался я до особняка. Подходя к украшенному резными балясинами крыльцу, я оступился. Оступился так, что чуть не рухнул навзничь. Нога провалилась в обледеневшую выбоину колеи. Тупо взирая на искрящийся лёд, я медленно осознавал, что передо мной – на снегу – отпечаток гигантской босой человеческой ноги! Я отметил, что большой палец был несколько отставлен от остальных, но в целом это был след именно человеческой ноги! Не примата... Судя по глубоко продавленной корке наста, вес этого «человека» был никак не менее 300–400 килограммов. Обливаясь холодным потом, я вновь поставил сапог в ледяной отпечаток. Длина следа явно превышала полметра... Почти в двух метрах от него в дороге зиял ещё один «отпечаток»... Далее ещё и ещё один. Цепь следов уходила за угол княжеского особняка. Стремительно, как мышь, я юркнул в дом. Тщательно запер массивные, окованные железом двери.

– Груня! Груня! – я задыхался.

В прихожей стояла большая ещё не наряженная ель. Валялась одежда и обувь. В гостиной среди разбросанных вещей и невымытых тарелок я обнаружил бумагу:

«Александр, у Груни нервный приступ.
Я повёз её в госпиталь. Будьте осторожны.
До вечера. Ваш Константин Павлович».

Не раздеваясь, я прошёл в свою комнату. Достал старый отцовский наган. Тщательно осмотрел и зарядил револьвер. Холодная сталь ласкала ладони. Придавала чувство уверенности. «Тула. 1903 годъ. Оружейная артель, Братья Руковишниковы и К» – в тысячный раз глаза пробежались по золотистой вязи на тусклом металле. Я откинулся в кресле, нужно было успокоиться... Дверь в кабинет Константина Павловича, обычно запертая, была приоткрыта. Полоса неяркого света пробивалась по узкому коридору. Я встал и сунул револьвер в карман пальто. Кто предупреждён – тот вооружён.

Глава 6. Открытие доктора Васильева

В кабинете тускло догорала керосинка. Среди разбросанных вещей и книг на полу валялась лисья шуба доктора. В глубине узкой комнаты маячил полированный стол из тёмного дерева. Справа, по стене, шли дубовые полки с бесконечными книгами. У арочного окна я заметил нишу, закрытую плотной материей. Прибавив керосинку, я отдёрнул занавесь. Отшатнулся... Рука сама легла на холодный металл нагана. Из полумрака на меня взирал пустыми глазницами гигантский скелет. Человеческий?.. Примата?.. Но размеры! Это существо ростом превышало меня больше чем на метр. Толстые кости. Узловатые суставы. Широкая, мощная грудная клетка. Низкий лоб и массивные надбровные дуги. Крупная челюсть. Пожалуй, череп, всё-таки человекообразной обезьяны... Но ноги! Ноги, пожалуй, «человеческие». Руки немного длиннее, но тоже как у человека! Вертикальный позвоночный столб и почти человеческая осанка... «Гоминид, – всплыло откуда-то слово, – гоминид». Потрясённый, я отступил в глубь помещения. Хотелось пить. Рука потянулась к мутному графину, посыпались какие-то книги. Я поднял толстенный фолиант. «И. И. Иванов. Эволюция и гибридизация гоминидов» – золотым тиснением вспыхнули буквы. Из тома посыпались бумаги: листки, исписанные аккуратным почерком Васильева, какие-то бланки, две истёртых газетных вырезки. Я, уже не колеблясь, опустился в чёрное скрипящее кресло хозяина. На исписанных листах были описания медицинских исследований и параметров пациентов, похожих на те, что мы вели в госпитале. На некоторых были сложные химические формулы с пояснениями Константина Павловича. Из всего этого я понял только, что речь шла об экспериментах по искусственному оплодотворению каких-то женщин. Все бланки были из плотной, как пергамент, бумаги с графами на французском языке, с синими жирными печатями и гербами Колониального медицинского департамента Французской Гвинеи. С подписями господ – И. И. Иванова и М. П. Де Дюмбура. Наконец дело дошло до газетных статей. Обе вырезки были из «Медицинского вестника СССР» за сентябрь 1936 года. Вот что я прочёл на истрёпанных, выцветших клочках:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.